

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.354:351/354
doi: 10.17223/1998863X/74/13

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ «ГИБРИДИЗАЦИИ» СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Валентин Павлович Бабинцев¹, Галина Николаевна Гайдукова²,
Жанна Александровна Шаповал³, Яна Александровна Пономарева⁴

^{1, 2, 3, 4} *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>, babintsev@bsu.edu.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>, g_gaidukova@bsu.edu.ru

³ <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>, shapoval@bsu.edu.ru

Аннотация. Цель настоящей работы – анализ некоторых новых тенденций в развитии профессиональной бюрократической корпорации в регионах России. Для эмпирического обоснования выводов обобщены и интерпретированы результаты ряда социологических исследований, проведенных авторами или при их участии в Белгородской области в период 2006–2021 гг. Отмечается, что «гибридизация» общественной жизни предъявляет ряд новых требований к профессиональной бюрократии и в целом ко всей системе управления.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократическая корпорация, региональное управление, гибридизация социальной реальности, цифровизация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., Пономарева Я.А. Бюрократическая корпорация в условиях «гибридизации» социальной реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 136–150. doi: 10.17223/1998863X/74/13

SOCIOLOGY

Original article

BUREAUCRATIC CORPORATION IN THE CONDITIONS OF SOCIAL REALITY “HYBRIDIZATION”

Valentin P. Babintsev¹, Galina N. Gaidukova², Zhanna A. Shapova³,
Yana A. Ponomareva⁴

^{1, 2, 3, 4} *Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>, babintsev@bsu.edu.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>, g_gaidukova@bsu.edu.ru

³ <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>, shapoval@bsu.edu.ru

Abstract. The article considers bureaucracy as a specific dispersed corporation, whose substructures are distributed across spheres of life and levels of management, but,

nevertheless, are united by common formalized and non-formalized values, rules and norms. The authors note that, despite the long tradition of studying the bureaucratic management system, there are currently very few works on the problems of its change in the context of changes characterizing the new, augmented reality. The changes are especially contradictory at the level of regions – subjects of the Russian Federation. The aim of this work is to analyze some new trends in the development of professional bureaucratic corporations in Russian regions. For an empirical substantiation of conclusions, the authors summarized and interpreted the results of a number of sociological studies they conducted, including: a regional monitoring Rose of Quality, carried out from 2006 to 2011 and involving an assessment of the life quality and regional policy effectiveness in Belgorod Oblast (the method was a questionnaire survey; quota sample in different years ranged from 3,000 to 6,700 respondents); a sociological research Socio-Cultural Consequences of the Formation of Urbanized Sociobiotechnical Systems, implemented in Belgorod Oblast in 2019; an expert survey Problems of Bureaucratization of Regional Management (n = 40, 2021). The authors note that the ‘hybridization’ of public life imposes new requirements on the professional bureaucracy and, in general, on the entire management system. Firstly, it is necessary to expand the limits of the competence of management subjects due to knowledge and skills in technology, biology, ecology. Secondly, the “hybridization” of social reality requires a change in the bureaucrat style of thinking, which consists in its transition from a “monocausal” interpretation of processes to a “polycausal” one. Thirdly, the increase in the ability of management objects to self-organization and self-reproduction creates new requests for the bureaucratic corporation regarding the methods it uses. In particular, there is a need for a soft regulation, the conditions of which are: a strict, normative-based definition of the intervention limits in vital activity of the object; creation of a choice for him; treatment of counterparties as partners in the implementation of a common cause; reliance on the intellectual elite; use of a consensual language of communication.

Keywords: bureaucracy, bureaucratic corporation, bureaucratic management, regional management, hybridization of social reality, digitalization

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

For citation: Babintsev, V.P., Gaidukova, G.N., Shapova, Zh.A. & Ponomareva, Ya.A. (2023) Bureaucratic corporation in the conditions of social reality “hybridization”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 136–150. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/13

Тезис о высокой динамике современной социальной реальности является едва ли не аксиомой для социологов. В.И. Чупров, Ю.А. Зубок и Н.А. Романович, в частности, пишут: «Изменения, характерные для эпохи постмодернизма, связаны с ускорением, отмечаемым во всех сферах жизнедеятельности современных обществ. Они проявляются в растущем динамизме общественных взаимодействий, в стремительном рождении и таком же быстром отмирании новых социальных образований, в расширении пространства свободы и ответственности индивидов и групп, в снижении предсказуемости изменяющихся жизненных ситуаций» [1. С. 23]. Одним из существенных следствий интенсивных перемен становятся постоянные коррективы статусно-ролевых характеристик большинства социальных групп или по меньшей мере их имиджевых характеристик. Однако существуют сообщества, положение которых меняется незначительно, во всяком случае именно такое впечатление создается в массовом сознании. Новации, которые внедряют их лидеры, воспринимаются весьма критически, как чисто декоративные (имитационные) меры, неадекватные совершающимся глобальным трансформациям.

К числу таких групп относится бюрократия, представляющая собой работников управления, деятельность которых подчинена формальным правилам. В своем строгом значении это определение применимо к так называемой профессиональной бюрократии, помимо которой существует бюрократия политическая. Различия между ними состоят в том, что политическая бюрократия, включающая в себя руководителей организаций и территориальных систем, вне зависимости от их уровня, выполняет функции целеполагания и регулирует внутриорганизационные и внешние отношения; профессиональная, владея технологиями управления, обеспечивает их деятельность. При этом в небольших организациях эти функции могут совмещаться в одном лице.

Феномен профессиональной бюрократии присущ любым иерархически организованным общественным системам, хотя обычно его анализируют применительно к государству, в рамках которого он получил не только наиболее полное воплощение, но и своего рода социокультурное оправдание, основные аргументы которого были сформулированы еще М. Вебером. Именно этот «певец бюрократии» настоятельно подчеркивал прогрессивное значение тенденции превращения «современного чиновничества в совокупность трудящихся (Arbeiterschaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь» [2. С. 657].

Веберовский прогноз во многих отношениях осуществился на практике. Современная профессиональная бюрократия вышла далеко за пределы государственного аппарата и определяет, по меньшей мере с точки зрения технологий управления, процесс функционирования самых различных организаций, в том числе и оппонирующих государству институтам гражданского общества. В сущности, она представляет собой множество обособленных от контрагентов сообществ, характеризующихся организационным и субкультурным единством и составляющих в рамках одной страны постоянно воспроизводящую саму себя систему.

Эту систему вполне можно определить как корпорацию. Однако в данном случае необходимо сделать ряд уточнений. Понятие «корпорация» обычно употребляется в отношении крупных экономических субъектов. По определению П.А. Тихомирова, корпорация – «разновидность организации, которая отличается большими размерами и географией продаж и функционирования, наличием широкой сети экономически независимых организаций, входящих в нее». В качестве ее главных специфических черт, по его мнению, выступают «большая, чем в обычной организации, стратегическая направленность планов, стратегия на долговременное функционирование, комплексная программа развития корпорации» [3. С. 16]. Е.В. Бесликоева считает, что корпорация представляет собой «объединение, основанное на акционерной форме собственности, характеризующееся масштабностью производственной деятельности, развитой организационной структурой, профес-

сиональными управляющими во главе. Важной характеристикой корпорации выступает то, что она имеет миссию своей деятельности, ее участники объединены общей целью, нормами корпоративной культуры и принципами корпоративного поведения» [4. С. 7].

Безусловно, бюрократия не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта хозяйственной деятельности, хотя ее отдельные группы имеют специфические хозяйственные экономические интересы. Однако нельзя не учитывать, что в последнее время понятие «корпорация» все чаще используется как характеристика «закрытой для „чужих“ общности, которую ее члены наделяют коллективной идентичностью» [5. С. 577]. По нашему мнению, данная дефиниция вполне применима для характеристики бюрократии, которая, выступая в качестве сообщества, отличается присущей ее членам коллективной идентичностью и солидарностью.

Однако бюрократия – это корпорация особого рода. Ее вполне можно определить как дисперсную корпорацию, подструктуры которой распределены по сферам жизни и уровням управления, но тем не менее объединены общими формализованными и неформализованными ценностями, правилами и нормами.

Корпоративность бюрократии, впрочем, не означает наличия в ее составе внутренних различий. В структуре корпорации, согласно выводам Г.П. Зинченко, можно выделить менеджеров и администраторов. «Разница состоит в том, что менеджеры воздействуют на социальные организации (предприятия, учреждения и т.п.), администраторы – на территориальные общности (страна, регион, город, деревня)» [6. С. 71]. Свои специфические интересы и сферы влияния имеют отдельные сегменты корпорации – «субкорпорации».

Наиболее влиятельная из них, разумеется, та, что сложилась в рамках государства, но наряду с нею функционируют и другие, осваивающие отдельные сегменты публичного пространства и отчетливо выделяющиеся в общей массе занятых в них работников – вплоть до демонстративного противопоставления им. Наглядным подтверждением этому служит, например, ситуация в вузах, где, как заключает А.Г. Зборовский, «академический менеджериализм и бюрократизация высшей школы послужили предпосылками превращения управленцев в ключевую вузовскую общность, зачастую противостоящую двум... основным – студентам и педагогам» [7. С. 5235].

В большинстве случаев формально сегменты бюрократической корпорации самостоятельны по отношению друг к другу, но в то же время органически связаны между собой. Эти связи всякий раз актуализируются в случаях, когда возникает необходимость реализовать или защитить групповой и частный интерес, что обычно не остается незамеченным общественным мнением, хотя в последнее время, как правило, воспринимается как вполне естественная практика (мелкие издержки системы управления). Но гораздо прочнее связи и зависимости на субкультурном уровне, на котором они обеспечиваются единством ценностных миров, стереотипов поведения и деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности, в субсистемах стилей и стилового поведения, групповых формах культурных стандартов, что, согласно концепции О.Н. Римской, и составляет содержание любой субкультуры [8. С. 45].

Рассматриваемая в субкультурном контексте бюрократия вполне может быть представлена и как корпорация «диаспорического типа», в которой ее государственный компонент выступает в качестве материнского сообщества, продуцирующего социокультурные образцы, а субкорпорации в различных сферах общества – в качестве мультиплицирующих их диаспор.

Субкультурное единство этой системы выражается в формах бюрократической коллективной идентичности и солидарности, которые, в свою очередь, базируются на присущем членам корпорации представлении о причастности к власти.

Здесь необходимо сделать два пояснения. Во-первых, речь идет не об обладании властью, заключающемся в способности навязать свою волю другим, невзирая на сопротивление. Разумеется, бюрократия никогда не отказывается от попыток вмешиваться в процесс реализации властных функций (несмотря на то, что, согласно М. Веберу, профессиональный бюрократ не должен заниматься политикой), но все же власть в общественных структурах персонифицирована политической бюрократией (политику в данном случае мы понимаем в широком значении данного понятия как деятельность по руководству группами людей). Правда, нельзя не учитывать довольно известное заключение Р. Михельса о том, что любые руководители со временем трансформируются в управленцев [9, 10] и становятся олигархатом. В этой трансформации бюрократия играет весьма существенную роль, но все же она в большинстве случаев не носитель, а транслятор власти, ее коллективный технолог. Во-вторых, профессиональная бюрократия реализует свою причастность к власти на самых разных уровнях социальной организации – от небольших клубов и объединений, до – как уже отмечалось – государства и, несмотря на естественные различия в организации властных отношений, использует типичные поведенческие модели. В-третьих, причастность к власти – важнейший элемент бюрократического мышления, на основе которого ее представители различают «своих» и «чужих», выстраивая по отношению к ним различные (нередко прямо противоположные) стратегии поведения. При этом объем власти, к которой причастен управленец, хотя и имеет значение, не является главным маркером дифференциации. Важен сам факт причастности, означающий гораздо большее, нежели просто участие в реализации властных полномочий.

В сущности, причастность к власти представляет собой корпоративную социальную ренту бюрократии. При этом причастность приобретает символическое значение и выражается в отождествлении профессионального бюрократа с доступной ему системой власти, присвоении права говорить от ее имени, изобретении и применении групповых стандартов поведения (в частности, профессиональных кодексов), использовании специфического (канцелярского) языка. Существенно, что «печать причастности» сохраняется и после того, как субъект прекратил по тем или иным основаниям участвовать в работе бюрократического концерна.

Разумеется, дисперсная корпорация профессиональной бюрократии в отношении ее состава, пределов влияния и результатов деятельности не остается неизменной. Функционирование в условиях общества имиджей и рейтингов заставляет ее наиболее «продвинутых» представителей формировать новые образы бюрократической корпорации, обновлять технологии или хотя

бы убеждать контрагентов в инициации перемен, которые традиционно преподносятся как действия в интересах общества и благополучия его членов. Однако нельзя забывать, что мы достаточно давно живем в «обществе спектакля» [11], в котором многие действия не реализуются, а только имитируются, замещаются подделками, посредством которых можно вводить в заблуждение или же скрывать подлинные намерения [12].

В силу данной особенности любые декларации представителей бюрократической корпорации должны быть критически осмыслены и проверены. Однако, несмотря на давнюю традицию исследования бюрократической системы правления, в настоящее время крайне мало работ, посвященных проблемам ее изменения в контексте перемен, характеризующих новую, так называемую дополненную, реальность (дополненную современность), в которой «привычные со времен модернизации структуры – институты и интеракции, не исчезают, а совмещаются с вновь возникающими сетями и потоками» [13. С. 51]. Особенно противоречиво эти изменения протекают на уровне регионов, под которыми мы понимаем субъекты РФ.

В силу данного обстоятельства целью настоящей работы является анализ некоторых новых тенденций в развитии профессиональной бюрократической корпорации в регионах России.

Методы исследования

Анализ различных аспектов функционирования бюрократической системы правления исключительно сложен в силу ее традиционной закрытости для внешнего контрагента, главной причиной которой, по нашему мнению, является нежелание делиться знаниями о внутриорганизационных проблемах и той части технологий, которые относят к технологиям скрытого (манипулятивного) управления. Признание самого факта наличия действительно серьезных корпоративных проблем, а тем более допущение их публичного обсуждения, всегда рассматривалось в качестве табуированной темы в бюрократической среде, представители которой, как правило, руководствовались простым правилом: «Не следует выносить сор из избы». А поскольку отрицать наличие проблем вообще было бы очевидной глупостью, публичный дискурс обычно старались направить на обсуждение незначительных трудностей (в бюрократической интерпретации – «отдельных недостатков»). В результате доминантой бюрократического сознания была и остается установка на искусственную депроблематизацию управленческой реальности.

Данная установка характерна для государственных чиновников, для которых она дополнительно мотивирована, с одной стороны, стремлением избежать персональной ответственности, ибо в этой среде проблема обычно трактуется не как естественный момент в развитии, но результат чьей-то недоработки. Допущение применения данного правила применительно к себе для чиновника фактически означает признание собственного непрофессионализма, поскольку, как метко заметил Н. Талеб, вся конструкция бюрократии предназначена для того, чтобы отделить человека «от последствий его действий» [14. С. 30]. С другой стороны, возможности публичного дискурса здесь изначально ограничены природой государственного организма, имманентно включающего в себя момент анонимности, скрытности, что настоятельно подчеркивал П. Бурдьё: «...Я могу сказать, что государство – это

название, которое мы даем скрытым, невидимым принципам – указывая на своего рода *deus absconditus* – социального порядка и в то же время господства как физического, так и символического, а также физического и символического насилия» [15. С. 56].

Речь в данном случае не идет о конспирологической интерпретации государства, но о том, что часть его механизмов всегда будет доступна лишь профессионалам, принадлежащим к политической и профессиональной бюрократии. Это то, что сегодня довольно часто называют «глубинным государством», о конструкции которого можно судить лишь косвенно и до чего «не дотягивается» традиционная социология, особенно если она ограничивается эпизодическими опросами общественного мнения.

Указанные ограничения послужили основанием для использования комплекса методов исследования.

Во-первых, были использованы результаты систематического наблюдения авторов за работой бюрократических (государственных и негосударственных) сообществ в Белгородской области, осуществленного с 1993 по 2020 г. Это наблюдение реализовалось:

– в ходе работы одного из авторов статьи в качестве руководителя информационно-социологической группы управления по делам молодежи, одной из задач которой в 90-е гг. XX в. была разработка программ «Молодежь Белгородской области»;

– в процессе работы над региональными проектами – «Программой улучшения качества жизни населения Белгородской области» (2003) и «Стратегией „Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы“» (2011) – и научно-аналитического сопровождения их реализации;

– при разработке ряда региональных проектов: «Формирование системы общественной оценки органов власти, руководителей, государственных и муниципальных служащих Белгородской области» (2017); «Обоснование и разработка региональной модели коммуникаций власти и общества в нестабильной социальной среде» (2017);

– в ходе работы одного из авторов в составе Общественной палаты Белгородской области (с 2008 по 2018 г.), созданной для обеспечения согласования общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления.

Во-вторых, были обобщены и интерпретированы результаты ряда социологических исследований, проведенных авторами или при их участии:

– регионального мониторинга «Роза качества», осуществлявшегося при участии авторов с 2006 по 2011 г. и предполагавшего оценку качества жизни населения Белгородской области и эффективности региональной политики (метод – анкетный опрос; квотная выборка в разные годы варьировала от 3 000 до 6 700 респондентов);

– социологического исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем», реализованного авторами в 2019 г. в рамках выполнения гранта РФФИ «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем»;

– экспертного опроса «Проблемы бюрократизации регионального управления» (n = 40; 2021 г.).

Применение в течение длительного периода разнообразных методов исследования обусловлено как сложностью изучаемой проблемы, так и ограниченностью возможностей каждого из них.

Гибридизация социальной реальности и одномерность бюрократии

Одним из следствий глобализации общественной жизни является нарастание тенденции к формированию сложно структурированных социобиотехнических систем (СБТ-систем), интегрирующих природно-биологические, социальные, технологические и когнитивно-психологические процессы. «Генетика СБТ-систем имеет „гибридный“ характер, частично она конструируется человеческой деятельностью, а частично воспроизводится самими СБТ-системами» [16. С. 9]. Соединение в рамках этих систем, казалось бы, разнородных и трудно совместимых элементов дополняется изменением принципов их самоорганизации, ведущим из которых становится принцип гомеостаза, в соответствии с ним СБТ-системы сами формируют и поддерживают программу своего развития, ориентируясь на долгосрочные цели.

«Гибридизация» общественной жизни предъявляет ряд новых требований к профессиональной бюрократии (впрочем, как и ко всей системе управления).

Во-первых, интеграция в социальные процессы технико-технологических и биоэкологических элементов существенно меняет их содержательные характеристики, следовательно, и методы управления. Социальное управление все более технологизируется (наиболее наглядным выражением этой тенденции является цифровизация), что предполагает расширение пределов компетентности субъектов за счет знаний и навыков в сферах техники, биологии, экологии. Одновременно возникает опасность абсолютизации технологического знания, претендующего, как подчеркивал О.Н. Яницкий, на «всесторонний охват и регулирование» трансформации общественной жизни, что представляет собой «вызов самой сущности социального» [16. С. 9].

В данном контексте становятся крайне важными два близких по содержанию вопроса. Первый связан с определением способности профессиональной бюрократии, действующей в рамках субъекта РФ, расширить пределы своей компетентности в социальном управлении за счет технико-технологических и биоэкологических знаний, не увлекаясь при этом паранаучными по своей сути конструкциями. Второй – с выяснением способности ее к самоограничению в трактовке перспектив технологического знания и его практической реализации.

Ответ на второй вопрос вряд ли возможно дать в условиях дефицита конкретных эмпирических исследований. Однако собственные наблюдения позволяют предполагать, что он будет скорее отрицательным, чем положительным, хотя бы уже потому, что бюрократическая корпорация обычно не склонна к самоограничению и рассматривает присвоенные ею новации как своего рода универсальные и безальтернативные способы решения проблем. Специалисты склонны рассматривать эту позицию в качестве основы своеобразной идеологии менеджерализма. А.Р. Тузиков пишет: «Идеологический дискурс менеджерализма конструирует то, что принято называть здравым смыслом в социальном управлении, т.е. „очевидные“ для большинства схемы

оценки целей и способов осуществления управленческих действий. Зародившись в крупных корпорациях, он привнес во все другие сферы деятельности такие характерные для него императивы, как экономизм и примат финансового результата, эффективность как „безубыточность“ и результативность, конвертируемую в экономические показатели, а также культ количественных критериев оценки результативности в любом виде деятельности. Причем все это представляется как безальтернативная практика, вытекающая из вызовов „современности“» [17. С. 63]. Это, в частности, наглядно проявляется в отношении цифровизации.

Как показало проведенное нами в рамках исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» фокус-групповое интервью, менеджеры разных уровней (правда, работающие в городских организациях) именно с нею связывают решение основной массы проблем урбанизированных поселений. Поддержку большинства участников нашло следующее высказывание относительно главных тенденций развития города: «...внедрение цифровых технологий в систему управления, ликвидация лишних цепочек в отношениях чиновников и населения, расширение дистанционного доступа к услугам, предоставляемым населению. „Государство в смартфоне“» (Наталья, работник сферы культуры).

Ответ на первый вопрос представляется нам довольно парадоксальным. Прежде всего, довольно очевидно, что представители различных «субкорпораций» бюрократии проявляют неодинаковую способность к расширению пределов своих компетенций. Однако при всех различиях можно считать, что образцы поведения в данном случае (как и во многих других) задает «субкорпорация» государственных и муниципальных служащих, диспозиция которых весьма противоречива. С одной стороны, в рамках общей тенденции государственные и муниципальные служащие дружно восхваляют технологизацию. Но с другой, – весьма скептически относятся к конкретным ее проявлениям. Так, исследование «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» показало: только 20,6% рассматривают техническую грамотность в качестве признака культурного человека; 5,9% – умение пользоваться компьютерными технологиями.

Преимущественно негативное или близкое к негативному отношение к внедрению технических средств и технологий в социальные процессы создает существенный аксиологический барьер в отношении перспектив «технологизации мышления». При этом оно в очередной раз демонстрирует двойственность сознания профессиональной бюрократии, как показывает опыт, обычно проявляющуюся в публичном одобрении трендов, заданных политическими руководителями и нередко саботажем следования этим установкам в индивидуальных практиках.

Во-вторых, «гибридизация» социальной реальности требует изменения стиля мышления представителей бюрократической корпорации, заключающегося в переходе его от «монокаузальной» [15. С. 661] интерпретации процессов к «поликаузальной», предполагающей способность выявить максимально широкий спектр причин явлений и процессов, отражающих их «гибридность». Освоение этой, казалось бы, вполне естественной модели мышления у представителей бюрократической корпорации в регионе на практике также обусловлено существенными трудностями. Для значительной

части из них характерными чертами осмысления реальности являются контрастный «черно-белый» подход к оценке событий, анализ ее в так называемой «низкой размерности», предполагающий поиск одномерных причинно-следственных связей [14. С. 27]. Как правило, определяя их, представители бюрократической корпорации используют традиционные (клишированные) формулировки. Это хорошо продемонстрировал А.Э. Ушамирский на примере объяснения государственными и муниципальными служащими причин молодежных конфликтов. Наиболее важной среди них (48,6%) они назвали низкую культуру населения [18. С. 151]. Безусловно, данное обстоятельство имеет место, и на него можно сослаться, рассматривая практически любую проблему, но оно, будучи просто широко используемым стереотипом, мало что проясняет в отношении конкретной ситуации.

В-третьих, повышение способности объектов управления к самоорганизации и самовоспроизводству формирует в бюрократической корпорации новые запросы в отношении применяемых ею методов. Традиционно среди них превалировало жесткое административное воздействие, опирающееся на систему санкций. Сегодня возникает потребность в мягком регулирующем воздействии, условиями которого являются строгое, нормативно обоснованное определение пределов вмешательства в жизнедеятельность объекта, создание для него возможности выбора, отношение к контрагентам как к партнерам в осуществлении общего дела, опора на интеллектуальную элиту, использование консенсусного языка общения.

И вновь возникает вопрос: в какой мере бюрократическая корпорация на уровне субъекта РФ способна соблюдать эти условия? Анализ экспертных оценок вызывает сомнения в ее способности к изменению методов управления (хотя, несомненно, ситуация и в данном случае различается в отдельных субкорпорациях). Однако при всех различиях основные параметры и здесь задает государственная бюрократия, которая пока мало способна к реальному переходу от администрирования к регулированию.

Так, в ходе исследования «Проблемы бюрократизации регионального управления» лишь 15% экспертов приняли точку зрения, что государственные чиновники воспринимают население в качестве партнеров; 35% убеждены – рассматривают его как пассивный объект; 32,5% – как источник проблем. Позиция государственных служащих воспроизводится администраторами негосударственных структур. В частности, в ходе исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» эксперты, признав необходимость регулирования культурного процесса в городе, отметили, что к этому готовы в полной мере менеджеры творческих союзов (16,7%), общественных объединений (13,3%), муниципальные служащие (6,7%).

Тем не менее нельзя не отметить, что в последнее время бюрократическая корпорация становится все более открытой обществу. Тон здесь вновь задают государственные чиновники, многие из которых вынуждены делать это, подчиняясь требованиям политических руководителей. Открытость в данном случае – мера в значительной степени вынужденная, обусловленная кризисом коммуникаций власти и общества и, как следствие, снижением уровня взаимного доверия. Эту тенденцию на уровне субъекта РФ мы не раз фиксировали в ходе мониторинга «Роза качества». Так, в 2011 г. губернатору

Белгородской области доверяли 56,6% жителей, правительству – 46,5%, областной думе – 41,3%, Общественной палате – 35,7%, главам местного самоуправления городов и районов (в среднем) – 45,6%, главам поселений (в среднем) – 43,6%. При этом довольно низким был и показатель удовлетворенности населения информационной открытостью власти; в среднем он не превышал 50%. Более всего граждане были удовлетворены информационной открытостью губернатора (45,5%), несколько меньше – правительства области (36,5%) и Общественной палаты региона (28,3%).

При этом в ходе исследования «Проблемы бюрократизации регионального управления» в 2021 г. 37,5% экспертов в качестве одного из позитивных изменений в государственном управлении отметили улучшение коммуникаций между властью и населением. Это действительно имеет место и выражается в том числе в широком использовании современных информационно-коммуникационных технологий для непосредственного общения представителей бюрократической корпорации с гражданами.

Вместе с тем фиксация их массовой активности в социальных сетях, цифровых платформах и в традиционном пространстве не снимает проблему результативности этой работы, поскольку (это, в частности, отметили 17,5% экспертов) для бюрократии типична имитация реальной деятельности.

Существенную, хотя и противоречивую, роль в изменении информационно-коммуникационной среды функционирования бюрократии в регионах сыграло массовое внедрение в практику управления цифровых технологий. Прежде всего, они значительно расширили технические возможности управленческого воздействия, хотя многим администраторам и менеджерам пришлось пережить трудный этап освоения компьютеров и гаджетов. Цифровизация изменила характер взаимодействия членов бюрократической корпорации с контрагентами, минимизировав непосредственное (живое) общение и заменив его удаленным взаимодействием. Это опять-таки хорошо прослеживается на примере государственных чиновников, которые все чаще исключаются из процесса оказания услуг населению, что обычно рассматривается как фактор, снижающий уровень коррупции и оценивается весьма позитивно [19–24]. Однако в данном случае позитивные следствия цифровизация имеет скорее для граждан, чем для самих чиновников.

В то же время нельзя не признать: цифровизация, качественно меняющая посредством тотальной кодификации коммуникативную среду систем управления, объективно соответствует специфике бюрократического мышления, ориентированного на формальное восприятие «гибридной» реальности. Но такой, вполне оправданный в технологическом отношении, подход нередко приходит в противоречие с социокультурной традицией и потребностью людей в неформальном, эмоционально насыщенном и этически фундированном взаимодействии. Неразрешенность данного противоречия ведет к издержкам цифровизации, понимаемой в широком смысле как комплекс информационно-коммуникационных технологий в целом [25. С. 183]. Специалисты отмечают: «Многочисленные факты свидетельствуют, что возник социальный парадокс ИКТ: широкое внедрение этих технологий ведет не к укреплению и гармонизации глобальных макросоциальных связей и отношений, а к их разобщению, росту материальных и духовных диспаритетов, деградации институтов социального и политического сотрудничества и кооперации. Возник-

шие как инструмент коммуникации, ИКТ в сложившихся условиях усиливают тенденцию социальной дезинтеграции» [26. С. 17].

Таким образом, бюрократические коммуникации в субъектах РФ выстраиваются весьма неоднозначно. Разумеется, качество их различается в зависимости от статуса, структуры конкретных субкорпораций и их референтного окружения. Но главным формирующим коммуникативную среду, как, впрочем, и всю систему бюрократического управления, фактором является, на наш взгляд, широта «культурного горизонта». Она выражается в способности и готовности адекватно оценить характер и глубину стоящих перед бюрократической корпорацией проблем и их причины, осуществить рефлексию собственных ресурсных возможностей, если необходимо (а в условиях «гибридизации» социальной реальности это необходимо почти всегда), обратиться к экспертному сообществу и с учетом позиции последнего выстроить систему технологий регулирования общественных процессов.

Заключение

Несколько лет назад в ходе дискуссии теперь уже бывший губернатор Белгородской области Е. Савченко задал одному из авторов статьи вопрос о том, возможно ли в принципе качественное обновление бюрократической корпорации, позволяющее если не устранить полностью, то хотя бы минимизировать ее издержки. Ответ был дан отрицательный, но в то время он основывался, скорее, на интуитивном представлении о бюрократическом корпоративном управлении, без учета лишь намечавшейся тогда тенденции к «гибридизации» регионального социального пространства. Однако вопрос заставил заняться анализом проблемы более глубоко, с привлечением к нему других специалистов. Сегодня мы можем уже на основе не интуиции, но аналитических материалов уточнить свою позицию: бюрократическую корпорацию в регионе в обозримом будущем принципиально изменить невозможно, но делать это необходимо, действуя постепенно и последовательно, с опорой на принципы и правила социальной инженерии.

Список источников

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М. : Норма, 2019. 208 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
3. Тихомиров П.А. Корпоративная культура как фактор устойчивости организации : дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 224 с.
4. Беспикоева Е.В. Современная корпорация: социологический анализ собственности, власти и управления : автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2004. 24 с.
5. Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. М. : Весь мир, 2017. 992 с.
6. Зинченко Г.П. Государственная служба в предметном поле социологии // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 70–75.
7. Зборовский А.Г. Доверие в университете и университетский капитал // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социолог. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М. : РОС : ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5234–5240.
8. Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий : дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011. 172 с.
9. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Диалог. 1991. № 3. С. 42–46.

10. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Политология : хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М. : Гардарики, 2000. 843 с.
11. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М. : Логос, 1999. 224 с.
12. Тоценко Ж.Т. Новые лики деятельности : имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23–36.
13. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
14. Талей Н.Н. Рискую собственной шкурой: скрытая асимметрия повседневной жизни. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
15. Бурдые П. О государстве : курс лекций в Коллеж. де Франс (1989–1992). М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
16. Яницкий О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22.
17. Тузиков А.Р. Высшее образование: идеологемы реформ и практика имитаций // Управление устойчивым развитием. 2020. № 1 (26). С. 60–65.
18. Ушамирский А.Э. Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта : дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2020. 477 с.
19. Benay A. Government digital: the quest to regain public trust. Toronto : Dundurn Press, 2018.
20. Dobrolyubova E., Starostina A. What Drives Adoption of E-Services in Russia? // Communications in Computer and Information Science. 2022. Vol. 1503. CCIS. P. 137–151. DOI: 10.1007/978-3-030-93715-7_10
21. Falk S., Rommele A., Silverman M. Digital government leveraging innovation to improve public sector performance and outcomes for citizens. Switzerland : Springer International Publishing, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-38795-6
22. Sirotkina N., Lazarevich S. Electronic Public Procurement: Case of Russia // International Journal of Public Administration. 2022. Art. 2018710. DOI: 10.1080/01900692.2021.2018710
23. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 120–135. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.07
24. Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Масленников О.В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. 2019. № 23 (5). С. 6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-6-17
25. Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М. : Психологический институт РАО ; Курск : Университетская книга, 2020. 198 с.
26. Левашов В.К., Сарьян В.К., Назаренко А.П., Новоженина О.П., Тоценко И.Ж., Шушпанова И.С., Саломатина Е.В. Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 13–20.

References

1. Chuprov, V.I., Zubok, Yu.A. & Romanovich, N.A. (2019) *Doverie v samoregulyatsii izmenyayushcheysya sotsial'noy real'nosti* [Trust in self-regulation of the changing social reality]. Moscow: Norma.
2. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress.
3. Tikhomirov, P.A. (2004) *Korporativnaya kul'tura kak faktor ustoychivosti organizatsii* [Corporate culture as a factor in the organization sustainability]. Sociology Cand. Diss. Moscow.
4. Beslikoeva, E.V. (2004) *Sovremennaya korporatsiya: sotsiologicheskii analiz sobstvennosti, vlasti i upravleniya* [The Modern Corporation: A Sociological Analysis of Property, Power, and Management]. Abstract of Sociology Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Semenenko, I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. An Encyclopedia]. Moscow: Ves' mir.
6. Zinchenko, G.P. (2016) *Gosudarstvennaya sluzhba v predmetnom pole sotsiologii* [Public service in sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 70–75.
7. Zborovskiy, A.G. (2020) *Doverie v universitete i universitetskiy kapital* [Trust in the University and University Capital]. In: Mansurov, V.A. & Ivanova, E.Yu. (eds) *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov* [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions]. Moscow: ROS: FNISTS RAS. pp. 5234–5240.

8. Rimskaya, O.N. (2011) *Fenomenologiya subkul'turnykh religiy* [Phenomenology of Subcultural Religions]. Philosophy Cand. Diss. Tula.
9. Michels, R. (1991) *Sotsiologiya politicheskikh partiy v usloviyakh demokratii* [Sociology of political parties in a democracy]. *Dialog*. 3. pp. 42–46.
10. Michels, R. (2000) *Sotsiologiya politicheskikh partiy v usloviyakh demokratii* [Sociology of political parties in a democracy]. In: Vasilik, M.A. & Vershinin, M.S. (eds) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Gardariki.
11. Debord, G. (1999) *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Translated from French by S. Ofertas, M. Yakubovich. Moscow: Logos.
12. Toshchenko, Zh.T. (2012) *Novye liki deyatelnosti: imitatsiya* [New faces of activity: imitation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 23–36.
13. Ivanov, D.V. (2020) *Augmented modernity: Effects of post-globalization and post-virtualization. Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 44–55. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250009397-9
14. Taleb, N.N. (2018) *Riskaya sobstvennoy shkuroy: Skrytaya asimetriya povsednevnoy zhizni* [Risking Your Own Skin: The Hidden Asymmetries of Everyday Life]. Moscow: KoLibri: Azbuka-Attikus.
15. Bourdieu, P. (2016) *O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [On the state: a course of lectures at the College de France (1989–1992)]. Translated from French. Moscow: Delo.
16. Yanitskiy, O.N. (2018) *K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya* [On the problem of modernization of humanitarian knowledge]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 6-1(21). pp. 7–22.
17. Tuzikov, A.R. (2020) *Vysshee obrazovanie: ideologemy reform i praktika imitatsiy* [Higher education: ideologemes of reforms and the practice of imitation]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem*. 1(26). pp. 60–65.
18. Ushamirskiy, A.E. (2020) *Sotsial'nyy mekhanizm regulirovaniya protsessa realizatsii interesov molodezhi v usloviyakh konflikta* [Social mechanism for regulating the process of realizing the interests of young people in a conflict]. Sociology Dr. Diss. Belgorod.
19. Benay, A. (2018) *Government Digital: The Quest to Regain Public Trust*. Toronto: Dundurn Press.
20. Dobrolyubova, E. & Starostina, A. (2022) *What Drives Adoption of E-Services in Russia? Communications in Computer and Information Science*. 1503. CCIS. pp. 137–151. DOI: 10.1007/978-3-030-93715-7_10
21. Falk, S., Rommele, A. & Silverman, M. (2017) *Digital government leveraging innovation to improve public sector performance and outcomes for citizens*. Switzerland: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-319-38795-6
22. Sirotkina, N. & Lazarevich, S. (2022) *Electronic Public Procurement: Case of Russia. International Journal of Public Administration*. pp. 783–794. DOI: 10.1080/01900692.2021.2018710
23. Pavlyutenkova, M.Yu. (2019) *Elektronnoe pravitel'stvo vs tsifrovoe pravitel'stvo v kontekste tsifrovoy transformatsii* [Electronic government vs digital government in the context of digital transformation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 120–135. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.07
24. Eskindarov, M.A., Maslennikov, V.V. & Maslennikov, O.V. (2019) *Riski i shansy tsifrovoy ekonomiki v Rossii* [Risks and chances of digital economy in Russia]. *Finansy: teoriya i praktika*. 23(5). pp. 6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-6-17
25. Panov, V.I. & Patrakov, E.V. (2020) *Tsifrovizatsiya informatsionnoy sredy: riski, predstavleniya, vzaimodeystviya* [Digitalization of the information environment: risks, representations, interactions]. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Kursk: Universitetskaya kniga.
26. Levashov, V.K., Saryan, V.K., Nazarenko, A.P., Novozhenina, O.P., Toshchenko, I.Zh., Shushpanova, I.S. & Salomatina, E.V. (2016) *Razvitie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy i perspektivy grazhdanskogo obshchestva* [Development of information and communication technologies and prospects for civil society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 13–20.

Сведения об авторах:

Бабинцев В.П. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального

исследовательского университета (Белгород, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Гайдукова Г.Н. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>. E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

Шаповал Ж.А. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>. E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

Пonomарева Я.А. – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Babintsev V.P. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Gaidukova G.N. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>. E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

Zh.A. Shapoval – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>. E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

Ya.A. Ponomareva – postgraduate student, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). SPIN-code elibrary.ru : 8062-2569

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 18.08.2023*